

1.Рецензия на статью Н. Розановой и А. Назаренко «К вопросу о марксистской теории отношения труда и капитала: современный подход» (П.С.Гуров).....	2
2.Рецензия на статью О. Ананьина: «Карл Маркс и его «Капитал»: Из девятнадцатого в двадцать первый век» (П.С.Гуров)	9
3.Рецензия на статью Р. Нуреева «Исторические судьбы учения Карла Маркса» (Д.В.Муромцев)	15
4.Рецензия на статью В.Кудрова «К современной научной оценке экономической теории Маркса – Энгельса – Ленина» (Д.В.Муромцев)	28

1. Рецензия на статью Н. Розановой и А. Назаренко «К вопросу о марксистской теории отношения труда и капитала: современный подход» (П.С.Гуров)

Данная статья представляет собой, если использовать непопулярные ныне понятия, ревизионистский подход к марксизму. Авторы спрашивают, является ли конфликтный способ решения проблемы взаимодействия труда и капитала (революция) единственным? И сразу же указывают, что нет. Впрочем, этот вывод они берут априорно, а затем статью можно подразделить на две части:

1. краткое воспроизведение марксистской теории;
2. вопрос о применимости марксистской теории в сегодняшних условиях.

Проанализируем именно вторую часть. Насколько реальна ситуация «социального партнёрства» в современной России?

Для того, чтобы богатство получило позитивный смысл, в современных условиях необходимо различать два типа богатства, которые следует различать по способу его воспроизводства – богатство, возобновляемое на ренту и богатство, возобновляемое предпринимателем от трудового капитала. Одно дело, когда богатство паразитирует на денежном дефиците и несовершенстве финансовой системы, другое – когда оно организует производство, воспроизводя рабочую силу (включая рабочую силу самого предпринимателя) и производственные системы. Одно дело - стричь купоны, другое дело – создавать производство. Первое – форма паразитизма, второе – достойная уважения деятельность.

В современной России финансовый капитал освободился от своего подчиненного положения по отношению к производственному только в связи со специальной политической задачей, поставленной “великими комбинаторами” нашего времени – в связи с задачей обесценения национального промышленного достояния и скупки его за бесценок. Таким образом, финансовый капитал стал из обслуживающего доминирующим, а

производственные предприятия, находящиеся под его контролем, – лишь юридическими лицами, прикрывающими механизмы образования рентного богатства.

Российское общество, чтобы иметь шанс построить развивающуюся экономику, обязано отказать в доверии пропагандистам олигархического капитала и, по меньшей мере, с презрением относиться к паразитическим формам богатства. Прежде всего потому, что паразитический капитал чурается черновой работы и связанного с ним риска.

Производительное предпринимательство всегда рискованно. Умение рисковать снижает вероятность краха предпринимательской инициативы, но не ликвидирует ее полностью. Это значит, что предпринимательский успех связан не только со знанием дела, но и с удачей, не обусловленной никакими знаниями и умениями – с судьбой. Соответственно и богатство следует считать определенного рода заданием, зашифрованным в успехе. Кому много дается, с того много и спрашивается. Именно поэтому нравственные требования к предпринимателю выше, чем к обывателю.

В то же время богатство – это еще и соблазн, склоняющий предпринимателя отказаться от труда и превратиться в паразита-рантье. Отсюда возникает риск нравственного падения и духовного заблуждения, чреватый распадом личности и позором в глазах окружающих. Соответственно, предпринимательство - рискованное дело еще и с этой точки зрения. Но наша оценка предпринимателя должна исходить из того, есть ли предпринимателю что терять в духовном смысле. Если он заведомо лишен совести, то ему нечем рисковать – он в духовном смысле оказывается паупером. И таких у нас немало – в особенности тех бизнесменов, что связаны с системой коррупции, организованной преступностью и интересами зарубежных корпораций, действующих против России. Этим бесстыдников надо отличать от честных предпринимателей. И если мы научимся это делать, то перестанем видеть в богатстве все зло мира.

В неустойчивом, разлагающемся обществе бедность и богатство взаимообусловлены – богатство существует за счет бедности, бедность – за счет богатства. Устойчивость возникает не когда изживается богатство, а когда бедность замещается достатком. Но такая замена возможна только в том случае, если богатство осознается и принимается обществом исключительно как задание, только когда оно осуществляет социальную функцию наращивания благосостояния нации в целом.

Будущее России связано с интенсивностью труда, прежде всего труда сложного. Сложный труд соединяет организационные таланты предпринимателя, глубокое проникновение в детали производства инженера-практика, профессионализм и ответственность рабочего. В этом смысле конкурентоспособность определяется союзом высокоинтеллектуального труда и производственного капитала, союзом капитала и интеллекта.

Рентные настроения, столь распространившиеся в России в связи с надеждами на чудесное обогащение, опасны тем, что парализуют экономику – бизнесменом становится не организатор производства, а финансист, манипулирующий мнимыми величинами, абстрактными сущностями. Рентные настроения угнетают любовь к труду, заставляя доверяться финансовым аферистам и организаторам разного рода лотерей и маркетинговых пирамид. Массы потенциально трудоспособного населения бросаются в несообразно распухающую сферу обслуживания роскоши и изощренных услуг, так же превращаясь в рантье или в их персонал. Олигархическая модель экономики предоставляет возможности выживания преимущественно в обслуживании ренты, посредничества, примитивной спекуляции.

Надо ли говорить, что рента угнетает труд, и делает предпринимательство зависимым от массы паразитических структур? Надо ли доказывать, что законодательство должно освободить от налогов трудовой капитал и возложить налоговое бремя преимущественно на рантье и роскошь? Казалось бы, здесь все очевидно. Но в дело вступают интересы

чиновничества, которое воспринимает свою службу как способ получить часть олигархической ренты, выплачиваемой взятками. Развращенным госаппаратом создается страшная опасность для российского государства – превращение не только его граждан, но и его самого в рантье, живущего только на налоги. Так мы приходим к пониманию еще одного противоречия, которое создает социальный конфликт – противоречия между рентным и трудовым капиталом, между концепцией государства-рантье и государства-организатора национальной экономики, между обществом рантье и обществом тружеников.

Звание «предприниматель» у нас часто относится к лицам, которые ничего полезного не предпринимают. Это целый паразитический слой, ставший продолжением бюрократической машины и подавляющий развитие творческой инициативы граждан в экономической сфере деятельности.

Предприниматель, организующий эффективный и высококвалифицированный труд осуществляет на деле и социальную справедливость, и национальные интересы. «Предприниматель», распродающий производство или занятый финансовыми манипуляциями и подкупом должностных лиц, - безусловный враг национальной экономики, подрывающий жизнеспособность России в целом.

Известно, что экономический рост в современном мире осуществляется главным образом за счет интеллекта, благодаря которому появляются и функционируют высокие технологии. Соответственно, отличить национального предпринимателя от антинационального скоробогача мы можем и по такому признаку – первый сберегает материальные ресурсы и развивают самые передовые виды производств, второй предпочитает устаревшие технологии и низкоквалифицированные кадры. Первые развивают сложные виды труда и обеспечивают рабочими местами и высокой зарплатой наиболее талантливые и образованные слои общества, вторые довольствуются примитивными видами труда и варварской эксплуатацией недр и рабочей силы. Сырьевики-олигархи, хвастаясь

достигнутым уровнем добычи нефти, забывают сообщить о том, что производительность труда в этом секторе экономики в сравнении с 1990 г. упала вчетверо.

Трудовой капитал достоин доброжелательного отношения, рентному полезно было бы испытывать со стороны общества постоянную неприязнь, стимулирующую рантье переходить в разряд инвесторов производства и к управлению собственными капиталами в роли организаторов реальных экономических процессов.

Современная Россия стоит перед выбором – вернуться к отношениям труда и капитала времен Маркса и ожидать жестоких социальных конфликтов или же ликвидировать олигархический режим, создать законодательную базу для партнерства труда и капитала, создать преимущества трудового капитала и препятствия для разрастания рентных доходов.

Если же говорить о другой стороне отношения труда и капитала – собственно о «социальном партнёрстве», то можно сказать следующее. В конце 80-х – начале 90-х годов прошлого столетия возникли профсоюзные объединения, которые провозгласили идеи возврата к традициям международного тред-юнионизма, приняв для себя за образец структуру американской АФТ-КПП. Первоначально это повлекло за собой бурный рост новых для России профсоюзов. Однако, новые профсоюзы не сумели справиться с принятой на себя ролью реальных представителей интересов наемного труда, в первую очередь из-за того, что лидеры новых профсоюзов были недостаточно искушены в аппаратных играх с одной стороны, и чересчур провозглашали методы силовой экономической борьбы в условиях отсутствия реального собственника с другой. Но активность этих профсоюзов привела к тому, что те реальные собственники, которые все же постепенно стали в России появляться, научились бояться профсоюзной активности наемного труда. Все это в конечном итоге привело к тому, что в настоящий момент практически повсеместно наемный труд полностью

зависит от своего работодателя и не имеет сколь-нибудь эффективных средств для отстаивания своих интересов и прав. Такое положение вещей усугубляется тем, что ныне действующей власти удобнее иметь единого представителя, может быть и не выражающего интересов своих членов, но формально наиболее многочисленного, чем возиться с целой кучей разнородных и зачастую противоречивых профсоюзов.

Но нынешняя ситуация перестала устраивать реального работодателя, поскольку в таких условиях он абсолютно не застрахован от стихийного протеста, который может возникнуть в результате по весьма незначительным поводам.

На фоне этой противоречивой картины в самом начале века была сделана попытка вернуть профсоюзам их важную первоначальную функцию – функцию представителя интересов работников. Но сделать это надо не через жесткое противостояние с капиталом, а через привлекательность для работодателя специфических профсоюзных технологий, в том числе в области экономики труда.

По большому счету именно существование определенной общественной задачи, которая решается в процессе создания конкретных правовых норм, выделяет трудовое право среди других отраслей права. Законодательство о труде - элемент механизма реализации социальной политики государства, его вмешательства в экономику с целью смягчить действие законов рынка для наиболее уязвимых его участников, обеспечить наряду с эффективным экономическим развитием достижение иных социально значимых целей. Таким образом, основной задачей трудового права является не содействие бесперебойному функционированию экономического механизма, а внесение в него корректив применительно к социальным задачам охраны прав человека в сфере труда. Недаром и новый Трудовой кодекс делает акцент на «оптимальном согласовании интересов сторон трудовых отношений» (часть 2 ст. 1). Подчеркнем - согласовании интересов, отнюдь не выдвигении на первый план интересов работодателя.

Противоречие между потребностями рыночной экономики и социальными правами человека - одно из объективно существующих противоречий общественного развития. Проявлением этого противоречия в сфере трудовых отношений является несовпадение задач трудового права и экономического механизма. Трудовое право не может и не должно выступать инструментом обеспечения эффективности экономики. Его задача - в согласовании целей экономического процветания и защиты личности, ее прав и свобод. Иными словами, предназначение трудового права состоит не в том, чтобы обеспечивать всемерное развитие рынка, а в том, чтобы не создавать серьезных препятствий его функционированию, способствовать смягчению противостояния труда и капитала.

Социальная роль трудового права определяет его возможности влияния на экономическое развитие (и степень воздействия экономических факторов на содержание правовых норм). Прежде всего, система социальной защиты работника обеспечивает равные условия конкуренции, что немаловажно в современных условиях. Замечено, например, что сегодняшний рынок формирует тенденцию к справедливой конкуренции. <*> А справедливая конкуренция во всем мире связывается с унификацией издержек на рабочую силу, применением одинаковых критериев при формировании себестоимости товаров (услуг). Это напрямую связано с предоставлением работникам стандартных трудовых гарантий. Надо учитывать и такую особенность экономического развития, как существование определенной корреляции между производством товаров и услуг и платежеспособным спросом населения. Платежеспособный спрос является одним из основных двигателей экономики, и поддержание его на оптимальном уровне важно для любой экономической системы. В свою очередь, поддержание платежеспособного спроса, т.е. обеспечение достойных условий воспроизводства рабочей силы, высокого уровня оплаты труда - это задача трудового права. Трудовые стандарты в сфере труда безусловно должны строиться на справедливых началах (не только по отношению к работнику, но и по

отношению к работодателю). Это означает, что обязанности работодателя по предоставлению минимальных (предусмотренных государством) социальных гарантий: а) должны быть связаны с трудовой деятельностью; б) не должны создавать непреодолимых препятствий в управлении трудовой деятельностью.

Уже самые первые попытки в этом направлении показывают, что у такого подхода к формированию трудовых отношений на уровне предприятия есть будущее. Постепенно выясняется, что не столько требования, сколько выгодные предложения, обеспечивают работникам гораздо больший учет их интересов со стороны работодателя. Наверное, именно этим в первую очередь интересна и для России современная модель трудовых отношений.

2.Рецензия на статью О. Ананьина: «Карл Маркс и его «Капитал»: Из девятнадцатого в двадцать первый век» (П.С.Гуров)

Подобно многим мыслителям нового времени, Маркс стремился пробиться к более фундаментальным основаниям человеческого бытия, чем лишь реальности его экономического и политического существования. В своей критике любой формы политического и экономического порабощения людей он отталкивается от той культурной «парадигмы», которая была сформирована всем ходом развития европейской культуры, начиная с античности и кончая эпохой Возрождения и гуманизма. В конечном счете в своем неприятии существующей действительности он руководствуется завещанным этой эпохой идеалом свободной и разумной индивидуальности, усматривая полную несовместимость этого идеала с обществом, преследующим лишь цели экономической рациональности и эффективности. Возможно, с точки зрения сегодняшнего дня, Маркс и ошибался, слишком резко противопоставляя друг другу интересы человеческой свободы и

экономической эффективности, основанной на рыночных механизмах хозяйствования, но важно то, что главным, решающим аргументом в оценке действий и последствий этого механизма были для него все-таки интересы свободной человеческой индивидуальности. В этом смысле марксизм - не аномалия, а закономерный продукт европейского сознания и культуры нового времени, важный шаг на пути самосознания всей западной цивилизации, ее стремления не только понять себя, но и в какой-то мере предугадать направление будущего развития. «Похоронить» Маркса равносильно тому, что похоронить всю новоевропейскую культуру с ее неустанным поиском нового видения мира, в котором нашли бы свое реальное воплощение принципы гуманизма, индивидуальной свободы и социального равноправия людей. Ибо учение Маркса, взятое в аспекте не только своих прямых политико-экономических выводов, но и своих-глубинных философско-мировоззренческих оснований, несомненно, находится в общем русле этого поиска, существенно обогащая и расширяя его.

Догматический ум сделает из сказанного следующее заключение: раз мы установили, что цивилизация и социализм - «две вещи несовместные», то, значит, одну из них надо отбросить. Либо социализм, либо цивилизация с ее рынком, гражданским обществом и пр. Раньше мы строили социализм, отбросив все институты и нормы цивилизованного общества. Ничего из этого не получилось. Сегодня мы хотим построить цивилизованное гражданское общество и, следовательно, нам надо отказаться от какого бы то ни было проявления социализма не только на практике (где его, собственно, никогда и не было), но и в теории, а заодно и от марксизма. Можно уверить, что и из этого ничего не получится. Ибо социалистическая критика и даже отрицание цивилизации есть закономерное порождение той же самой цивилизации - ее самокритика и самоотрицание, без которой эта цивилизация просто не способна выжить и двигаться дальше.

Я бы даже сказал острее: без марксистской и вообще всей социал-демократической и коммунистической мысли капитализм не стал бы тем, чем он является в настоящее время. Как и любая другая динамическая и развивающаяся система, цивилизация включает в свое развитие момент собственного отрицания и критики, преодолевая который она только и обретает способность к саморазвитию. В этом ее отличие от статических, традиционно-замкнутых систем древнего общества, в котором та или иная цивилизация видела своего противника не в самой себе, а в другой цивилизации, истощая и разрушая себя в непрерывных войнах с нею. Застойный характер таких систем объясняется тем, что они не допускали критики в собственный адрес, испытывали по отношению к себе «чувство глубокого удовлетворения», самообожествляли себя, приписывая все недостатки лишь своим ближним или далеким соседям.

Цивилизация, родившаяся в средневековых европейских городах, несомненно, разделила бы судьбу всех предшествующих ей земледельческих цивилизаций, если бы с момента своего возникновения в лице своей культуры (религии, морали, философии, искусства, науки) постоянно не опровергала, не критиковала, не отрицала себя, не стремилась бы к собственному самопреодолению. В этом культурном контексте только и можно понять смысл и значение появления таких радикально-критических учений, как марксизм и социализм в целом. Радикализм этих учений во многом объясняется тем, что они сопровождали ранний этап становления новой цивилизации, когда ее отрицательные и бедственные для многих людей последствия были слишком заметны и остры.

Чем более несовершенна становящаяся цивилизация, тем, естественно, более негативную критику в свой адрес она вызывает. Марксизм по отношению к ней выполняет свою историческую задачу тем, что способствует ее большей демократизации, гуманизации, перерастанию в новое качество, выявлению ее собственного культурного смысла. Критика цивилизации и сегодня сохраняет свое значение, но по мере развития

последней все более теряет характер классовой непримиримости и нетерпимости, требующей применения революционного насилия с целью ее изменения и исправления. История развития марксистской и постмарксистской мысли на Западе это подтверждает в полной степени.

Иное дело, когда учение, претендующее на обоснование более совершенной, чем цивилизация, формы общественной жизни, берется на вооружение в странах, где цивилизацией еще и не пахло. В этом случае оно - это учение - может обернуться совсем другой и, прямо скажем, опасной стороной - стать оправданием антицивилизационных (антизападнических, антимодернизаторских, то есть патриархально-консервативных или традиционно-реставраторских) тенденций в общественном развитии, выражением умонастроений, изначально отвергающих цивилизацию, отметающих ее с порога. Не случайно в дореволюционной России марксизм был воспринят первоначально теми слоями революционной интеллигенции, которые воспитывались в традициях скорее народнической, чем западнической идеологии с типичным для нее неприятием западных моделей жизни. Принятие марксизма в России, вопреки действительному смыслу этого учения, стало своеобразной расплатой за ее нежелание (или неготовность) пойти по пути развития цивилизованных стран Запада. «Русский коммунизм» увидел в марксизме лишь наиболее радикальную форму отрицания, критики буржуазной (западной) цивилизации, не придав существенного значения заключенному в нем обоснованию ее огромной исторической ценности, ее обязательности и необходимости для последующего движения. Во всяком случае, наиболее крайняя в своей левизне часть социал-демократического движения в России не заметила того, что критика цивилизации у Маркса ведется с позиции все же цивилизованного человека, уже успевшего оценить ее основные приобретения и достоинства, но не желающего примириться с ее изъянами и пороками. В нецивилизованном же обществе такая критика, обосновывается ли она марксизмом или каким-либо другим учением, может легко обернуться

(и обернулась!) отрицанием и разрушением самих основ цивилизованной жизни, придающих и самому социализму черты какого-то варварского и античеловеческого строя («грубый коммунизм»).

К чести самого Маркса надо отметить, что он никогда не придавал своей теории значения «универсальной отмычки» к истории любой страны или народа. Отнюдь не всюду и не все «марксисты» пользовались его безусловной поддержкой и доверием. Русские коммунисты и большевики не от Маркса получили титул «верных марксистов». И оценивать их действия нужно не по текстам Маркса, а по логике той политической борьбы, которая шла в самой России. Да и о Марксе нельзя судить по действиям тех, кто зачислял себя - возможно, даже и искренне - в его ученики и сторонники. Тем, кто сваливает сегодня на Маркса ошибки и просчеты собственной истории, следует задуматься и о своей коллективной ответственности перед ней. Вошедшая ныне в моду разносная критика марксизма, особенно со стороны тех, кто еще вчера клялся в верности ему, видимо, из соображений карьерной выгоды, наводит на мысль, что она - эта критика - стала весьма удобной формой собственной реабилитации и самооправдания, снятия с себя вины (не обязательно личной, но во всяком случае гражданской, партийной, национальной) перед собственной страной и народом. Если во всем виноват Маркс, то с нас вроде бы и спроса нет.

И что это за аргумент в речах ученого: во всем Россия хороша, да вот только «Маркс попутал»? Можно сколь угодно не любить Маркса, но нельзя же так принижать собственную страну, полагая, что один человек - даже такой, как Маркс, - смог своими идеями в корне изменить ее судьбу, доведя ее чуть ли не до гибели. Если для нас так опасны заимствованные из-за рубежа идеи, то как мы собираемся жить дальше? Где гарантия, что, наконец избавившись от марксистского соблазна, мы не впадем в новый соблазн, не попадем под влияние какой-то другой концепции или теории? Вот и сейчас кому-то кажется, что рыночная экономика, гражданское общество, правовое государство суть чуждые для нас западные идеи, грозящие нашей исконной

самобытности. Так и будем бояться чужих мыслей, подозревая за каждой из них враждебное поползновение против нашего «органического развития»? Предъявляя Марксу счет за беды и несчастья нашей истории, мы обнаруживаем лишь наше собственное неумение жить своим умом и осуществлять собственный выбор, свидетельствующее о еще во многом не преодоленном нами комплексе исторической неполноценности и социальной инфантильности.

Нет, в чем-то очень важном и существенном мы не переросли Маркса, а еще не доросли до него. Наивно и смешно пытаться «похоронить Маркса» с помощью идей, возникших задолго до того, как он появился на свет. А то Маркс не знал и не понимал пользы рыночной экономики, преимуществ правовой системы перед деспотической и частной собственности перед государственной. Знал и понимал лучше, чем мы, но видел дальше, хотя и стремился в духе своего времени слишком ускорить и приблизить наступление этого далекого будущего.

Можно ли опровергнуть Маркса доводами наших отечественных рыночников и товарников (не говоря уже о радателях нашей патриархальной самобытности), возможно, уместных в ситуации нашей страны, но бьющих мимо цели там, где рынок давно уже не представляет никакой проблемы? Отождествив «реальный социализм» с каким-то дорыночным, доправовым состоянием, еще не преобразованным длительным развитием цивилизации, мы хотим ниспровергнуть марксистскую теорию социализма соображениями, более пригодными для борьбы с добуржуазными (азиатскими или феодальными) отношениями и представлениями. И с такой-то идейной амуницией, снятой с плеча ранних предшественников Маркса по политической экономии и правовой теории, мы думаем его победить?

Можно также отметить, что критика современного капитализма заимствована у Маркса (и даже развита) представителями западной социологии и экономической теории. В частности, следует назвать Гидденса и Хамбермаса. Именно критический анализ капитализма как элемент

теоретического наследия Маркса сохраняет свое значение и сегодня. По Марксу, любой товар - объективация определенного количества рабочей силы. Однако понятие «общественно необходимого рабочего времени», определяющего стоимость товаров и лежащего в основе их меновой стоимости, само уже имплицитно образ «пустого» и квантифицированного времени, отрезки которого и делают стоимость товаров количественно измеримой. Таким образом, именно коммодификация времени является действительным основанием той универсальности, которую принимает обмен товарами при капитализме; она связывает распространение товарной формы производства благ с превращением рабочей силы в товар. Правда, реалистический анализ современности больше не может выполняться в терминах способа производства материальных благ, базиса и надстройки, классовой борьбы и т.п. Новый тип теоретической репрезентации социальной жизни, сложившийся в последние десятилетия, подсказывает критической теории анализ капитализма в терминах коммодификации повседневности.

3. Рецензия на статью Р. Нуреева «Исторические судьбы учения Карла Маркса» (Д.В.Муромцев)

В названной статье можно выделить два момента:

1. экономические взгляды К. Маркса, нашедшие своё выражение в «Капитале»
2. восприятие марксизма как учения на Западе и в России.

В отношении первого момента необходимо вспомнить, что довольно объективно сказано о Марксе в статье в петербургском «Вестнике Европы» за май 1872 г., цитату из которой привёл сам Маркс в предисловии ко второму изданию «Капитала». Лучше о Марксе и его теории сказать трудно:

«Для Маркса важно только одно: найти закон тех явлений, исследованием которых он занимается. И при том для него важен не один

закон, управляющий ими, пока они имеют известную форму и пока они находятся в том взаимоотношении, которое наблюдается в данное время. Для него, сверх того, ещё важен закон их изменяемости, их развития... Сообразно с этим, Маркс заботится только об одном: чтобы точным научным исследованием доказать необходимость определённых порядков общественных отношений и чтобы возможно безупречнее констатировать факты, служащие ему исходными пунктами и опорой... Маркс рассматривает общественное движение как естественноисторический процесс, которым управляют законы, не только не находящиеся в зависимости от воли, сознания и намерения человека, но и сами ещё определяющие его волю, сознание и намерения... Иному читателю может при этом прийти на мысль и такой вопрос... ведь общие законы экономической жизни одни и те же, всё равно, применяются ли они к современной или прошлой жизни? Но именно этого Маркс не признаёт. Таких общих законов для него не существует... По его мнению, напротив, каждый крупный исторический период имеет свои законы... словом, экономическая жизнь представляет нам в этом случае явление, совершенно аналогичное тому, что мы наблюдаем в других разрядах биологических явлений... В зависимости от различий в уровне развития производительных сил изменяются отношения и законы, их регулирующие. Задаваясь, таким образом, целью – исследовать и объяснить капиталистический порядок хозяйства, Маркс только строго научно формулировал цель, которую может иметь точное исследование экономической жизни... Его научная цена заключается в выяснении тех частных законов, которым подчиняются возникновение, существование, развитие, смерть данного социального организма и замещение его другим, высшим. И эту цену действительно имеет книга Маркса».

Описание закономерностей функционирования сферы материального производства в развитии лучше Маркса не дал никто. Единственное, что спорно в труде Маркса – это попытка представить экономические отношения как нечто абсолютно независимое от личностей участвующих в них

конкретных людей – рабочих, менеджеров, директоров, предпринимателей и др.

В отношении интереса российских социалистов к Марксу автор пишет: «Кто же были те пытливые россияне, которые общались с Марксом и писали о нем во время его жизни? Это либеральный дворянин П. В. Анненков (1812—1887), либеральный народник Н. Ф. Даниельсон (1844—1918), «законченный интриган» М. А. Бакунин (1814—1876), «социалист-дилетант», «русский панславист» А. И. Герцен (1812—1870), а также члены русской секции I Интернационала — Н. И. Утин (1841-1883), В. И. Бартенев (1838-1918), А. Д. Трусков (1835-1886). Имена многих из них давно забыты. Характерно, что Маркс лично стал секретарем русской секции Интернационала! Русская цензура довольно нежно обошлась с произведениями Маркса, достигавшими границ Российской империи. В 1848 г. было получено разрешение цензуры на ввоз в Россию «Нищеты философии». Предмет сочинения, считала цензура, не может быть применен к России и представляет «умозрения довольно отвлеченные». В 1867 г. цензура разрешила распространение немецкого издания «Капитала», а в 1872 г. — его русского перевода, рассматривая его как сочинение «строго научное», «тяжелое» и «малодоступное». Цензура, полагала, что книгу Маркса «немногие прочтут», «а еще менее поймут ее». К тому же рассматривали ее как критику практики терроризма революционных народников. В числе прочего марксизм способствовал упрочению европейского вектора развития русской общественной, особенно экономической, мысли».

Правда, тут же следует указание, что сам Маркс относился к практической реализации своих идей в России скорее отрицательно. И об исторических судьбах марксизма в России в статье сказано следующее: В XX век Россия вошла, имея уже сравнительно длительную, но не глубокую традицию марксизма. Настоящие, последовательные марксисты, овладевшие марксизмом не как набором догм, а как творчески развивающимся учением, адекватно понимающие его методологию и теорию, исчислялись в России

единицами. Преобладали же совершенно неадекватные, извращенные формы марксизма. Что не помешало, однако, русским большевикам перейти в 1917 г. от теории к практике, к реальному воплощению квазимарксистских идей на 1/6 части земного шара. Это произошло в результате своеобразной русификации марксизма. Большевики для этого «творчески развили» Маркса, который фактически создал настоящий миф о пролетариате и его исторической роли в освобождении человечества. Именно этот миф и получил дальнейшее развитие на российской почве в трудах большевиков, и прежде всего В. И. Ленина. Дело в том, что пролетариат в России рос не так быстро, как хотелось большевикам. Получалось, что если освобождение рабочих будет делом рук самих же рабочих (как считал, например, Г. В. Плеханов), ждать придется довольно долго. В этих условиях Ленин создает учение о партии нового типа, в котором происходит соединение марксизма с традициями русской революционности, и революционный волюнтаризм приходит на смену его книжно-кабинетному истолкованию. Фактически обосновывается пролетарская революция в крестьянской стране, где мессианскую роль пролетариата выполняет хорошо организованная кучка революционеров, выступающая «от его имени и по его поручению».

Здесь мы приходим ко второму вопросу, выделенному в начале рецензии.

В отличие от Маркса - вполне определенного, хотя и противоречивого мыслителя - марксизм вовсе не один и не един. Отечественная линия, условно говоря, марксизм-ленинизм - лишь один из многих возможных и реализованных вариантов похода по пути, предначертанному (предначертанному ли?) Марксом. Поэтому главное в судьбах каждого марксизма - выяснить, на какую почву он ложится и как он с этой почвой соотносится. Понимаю, что эта задача методологически сложная, но приступить к ее решению необходимо. Ясно, что идея коммунизма, по Марксу, возникла на базе вполне определенной историко-культурной и философской традиции (условно назовем ее западноевропейским

рационализмом), а в России она попала в принципиально иную социокультурную среду, которая ее и трансформировала, порой до неузнаваемости. Система, которую мы так старательно придумывали, пришла к закономерному краху по причинам сугубо экономическим. Политический и идеологический кризис явился не первопричиной, а следствием развала экономики, и ни в коем случае не наоборот, хотя, конечно, разные стороны деградации как бы взаимно усугубляют друг друга. Теперь вспомним, что одно из существенных определений марксизма - экономический детерминизм (хотя сами классики подчеркивали диалектику «базиса» и «надстройки»), и убедимся в том, что в этом узком, но принципиальном смысле он сегодня «сработал» именно в «социалистическом лагере».

И в этом есть своя парадоксальность, поскольку западная цивилизация ушла в своем развитии уже достаточно далеко от канонического капитализма (индустриального общества), через постиндустриальное к информационному, где большинство традиционных категорий марксистской политэкономии «не работает». Поэтому разные варианты марксизма (разные «марксизмы») постепенно обретают статус историко-философской классики, более или менее давно пройденного этапа, ассимилированного современной культурой.

В этом смысле вопрос «умер ли марксизм?» у них лишен реального содержания. Он так же умер и так же жив, как шекспировский театр, кантианство или «русская идея».

И вместе с тем в пределах жизни нынешних поколений на Западе марксистский импульс действительно полнокровно функционировал в живой культуре, будь то «красные тридцатые» в США, Франкфуртская школа в Германии, экзистенциалистские попытки синтеза Маркса, Гуссерля и Фрейда и последовавшая «студенческая революция» мая - июня 1968 года во Франции. Сегодня ни в единой Европе, ни в ожесточенной конкуренции между США и Японией, ни в «экономическом буме» в Юго-Восточной Азии

мы не найдем подтверждений марксистскому революционаризму, зато в Румынии все идет «по Марксу». . .

Сама постановка вопроса вытекает из нас, а не из Маркса, не из марксизмов и не из их судеб. Толстых абсолютно прав, когда утверждает, что вопрос о нашем отношении к марксизму имеет этическое и биографическое происхождение, что для недогматического мышления западного типа (а на Западе есть и догматики, ассимилировавшие нашу традицию) в этом вообще нет проблемы. Есть Маркс как мыслитель, есть разные марксизмы как теории, имеющие свои плюсы и минусы, как и любые другие теории, есть, наконец, практика, декларирующая свою приверженность марксизму, вовсе не совпадающая с теорией и ведущая совершенно не туда, куда, казалось бы, должна вести. Но и это не ново: это свойство всякой практики по отношению к любой теории, давшей ей первотолчок и обоснование.

Элементарное знакомство с историей культуры показывает, что никакая теория не существует в чистом виде, вне интерпретаций. С этой точки зрения марксизм не отличается от всех иных культурно-интеллектуальных явлений Европы.

Следующий вопрос такой - а почему после смерти Маркса было 25-30 фигур, которые оставили свою собственную интерпретацию марксизма до настоящего времени? Какую из этих интерпретаций мы примем? И сразу возникает следующая проблема. Занимаясь развитием (скажем так) любой теории, любой методологии, мы не можем прилепить себе значок «я - марксист». Это возможно только тогда, когда мы даем свое собственное истолкование этой теории, доведенное до обсуждения ее предпосылок. Тогда можно, на правах гипотезы, сказать, что следует исходить из равнозначности интерпретаций, ибо история культуры доказывает, что всякая интерпретация в той или иной степени имеет право на существование. Ведь в России раньше обсуждался марксизм русской культуры, его плюсы и минусы, насколько он годится или не годится и т. д.

Если рассмотреть мировую марксологическую, марксоведческую литературу в самом общем виде, то можно выделить три традиции рассмотрения марксизма, подобных нашему. Первая исходит из того, что марксизм непосредственно связан с социализмом и провозглашает его передовым обществом. Это, если угодно, догматическая версия, которая господствовала довольно длительное время. Вторая же, наоборот, выводит из марксизма все жертвы, трагедии тоталитаризма, сталинизма и т. д. Позиция жестко антикоммунистическая. Сейчас же наиболее распространена в обыденном сознании и даже среди теоретиков третья, исходящая из того, что вообще-то Маркс, как и Иисус Христос, дал хорошую теорию, но их последователи ее деформировали.

Видимо, в марксизме есть часть научная и часть утопическая. И тогда возникает вопрос о типах социальной утопии. Отличалась ли, скажем, марксистская утопия от прежних, более ранних социальных утопий? Это тоже предмет особого разговора.

Смотрите, что получается. Если возьмем в известном смысле наиболее продуктивную, так скажем, творческую отрасль марксизма, связанную с франкфуртцами или с Грамши, Лукачем, то сама теория марксистская в данном случае является модификацией теории абсолюта, восходящей к Платону и к Плотину. У Маркса в его теории как идеологии встречается ряд тезисов, которые ни логически, ни исторически либо не доказаны, либо доказываются с помощью аргументации, которая сама нуждается в доказательстве.

Например, его тезис о некоем идеальном прошлом состоянии под названием «первобытный коммунизм». Есть ряд характеристик первобытного коммунизма. Есть и некое будущее состояние - тоже идеальное. И вот по отношению к этому идеальному состоянию Маркс делает следующие допущения. Что в этом идеальном состоянии якобы возможно преодоление разделения труда. Но кто сегодня возьмется доказывать, что это возможно? Второе допущение - можно преодолеть

частную собственность. Кто сегодня, с учетом последующей после Маркса истории, докажет, что это так?

Третий момент: возможно преодолеть деньги. Ленин и другие попытались внедрить это в практическую политику, и что из этого потом вышло, вы знаете. Четвертое допущение, не менее важное. Оказывается, в этом будущем обществе возможно преодолеть не только государство, но и политику как сферу деятельности. Начиная с 1843 года Маркс развивает идею, что политика - это сфера практических иллюзий, полагая, что политику можно преодолеть потому, что теория выше, и т. д. Пятое допущение: возможно преодолеть идеологию. И это не доказано.

И, что не менее важно, как мне представляется, сама-то идея носителя революционного мировоззрения, идея о том, что какой-то определенный класс может являться его носителем (в данном случае рабочий класс), почерпнута была, в принципе, у Гегеля, если говорить о ближней истории.

У Гегеля носителем абсолютного духа была нация, у Маркса это - класс. Эта идея тоже самим Марксом не доказана. А между тем из этого выводится целый ряд политических следствий, самых разнообразных.

Враждебная критика и огульное отрицание марксизма теми, кто никогда не принимал марксизма либо просто его отбросил, должна учитываться прежде как идеологический и социальный фактор, создающий атмосферу, эмоциональный фон, психологический настрой, общественное мнение, при которых защита марксизма воспринимается как ретроградство, встречается в штыки, а сами защитники подвергаются остракизму. Можно понять как протест против диктата авторитарно-бюрократической системы, подчинения личности государству то, что люди не хотят ничего слышать ни о социализме, ни о марксизме и отказ от них воспринимают как социальное и духовное освобождение.

Некоторые бывшие марксисты требуют отказаться от него на том основании, что всякие идеологические шоры только мешают оптимально решать возникающие экономические и социальные проблемы, что при их

практическом решении надо исходить из реальной действительности, из общественных потребностей, а не руководствоваться абстрактными схемами и идеологическими принципами, которые уже завели страну в тупик. Действительно, от идеологических догм надо освобождаться. Но это не значит, что надо освобождаться от всякой теории, отказываться от самой идеи социализма, отбрасывать марксизм. Сейчас защищать его нужно во имя будущего, учитывая при этом как положительный, так и отрицательный исторический опыт. Отбрасывая идеологию командной, авторитарной, бюрократической системы, мы не должны забывать, что процесс обновления социализма требует своего идейно-теоретического обоснования, того, что иногда называют концепцией перестройки.

Требуется и переосмысление классического наследия марксизма. Стратегия и политика обновления социализма органично связаны с этим наследием, неотделимы от него, но, как известно, хранить наследие не значит ограничиваться наследием. Это весьма существенный момент всей проблемы отношения к марксизму в современных условиях.

Сталин и его последователи исказили существо марксизма, превратив его в догму, в некое подобие светской религии, в средство апологетики авторитарно-бюрократической системы. Работы классиков стали каноническими книгами, а вся масса специалистов в области марксистской науки была низведена до положения комментаторов и пропагандистов.

Когда в России произошла социалистическая революция, в стране, как хорошо известно, не было условий - как материальных, так и культурных - для перехода к социализму. И эти условия и предпосылки не были созданы к 30-м годам, когда было официально с трибуны партийного съезда объявлено, что она вступила в период социализма. Произошло лишь сосредоточение на базе государственной собственности огромной экономической и политической мощи в руках государства, возникла пирамида власти, когда все значимые для общества решения принимались на ее вершине, была создана планово-распределительная система экономики, способная, как

свидетельствует опыт, осуществлять лишь ее экстенсивное развитие. Результатом явилось отчуждение народа от собственности и от власти, была открыта дорога бюрократическому произволу и злоупотреблению властью, резко снижены материальные стимулы к труду, сведены к минимуму права личности. Определенный эффект система обнаружила в чрезвычайных условиях, в экстремальных ситуациях, которые либо возникали помимо ее воли (война), либо создавались ею искусственно. Но как естественная форма развития социализма она обнаружила свою несостоятельность, оказалась неспособной создать эффективный экономический механизм, овладеть научно-техническим прогрессом, свела страну во многих отношениях до состояния кризиса.

Сейчас, когда в мире происходит научно-техническая революция, перед человечеством встали грозные глобальные проблемы, мы, естественно, не можем не поставить вопрос о том, что же действительно является для нашего времени ценным в марксизме и имеет непреходящее значение. Конечно, тема эта большая, но сейчас следует сконцентрировать внимание на следующих положениях.

Прежде всего, это сама социалистическая идея, которая сопровождает все развитие современной цивилизации и получила в марксизме свое научное обоснование. Далее, это открытость марксизма по отношению к социальной действительности, выражающая его научный характер, его принципиальную незавершенность. Ввиду важности этого принципа мне бы хотелось его проиллюстрировать. К. Маркс, исходя из реальности капиталистического общества XIX столетия, вскрытых им тенденций его развития, рассматривал и исследовал не конкретный облик будущего общества (как делали это утописты), а некоторый теоретически предельный случай. Опираясь на данные мировой истории, определяя обусловленную производительными силами направленность развития капитализма, освобождая анализ от затемняющих процесс исторических случайностей, Маркс пришел к выводу, что будущее общество, достигшее высокой степени своей материальной и

культурной зрелости, решит проблему жизнеобеспечения и поставит во главу угла человека, создаст ему условия для всестороннего развития и проявления его способностей. Это будет общество «реального гуманизма», в котором свободное развитие каждого явится условием свободного развития всех. Маркс назвал это общество коммунистическим. На каком же основании мы должны отказываться от этих великих ценностей социализма, от коммунистического идеала? И почему его нельзя считать осуществимым?

Конечно, при этом всегда следует строго учитывать отмеченную нами особенность, что марксизм дает лишь весьма общую характеристику будущего. И иначе быть не может, ибо вопрос решается теоретически, а теория может брать процесс лишь в «чистом виде». Ведь и капитализм, и его законы Маркс исследовал, так сказать, «в чистом виде», хотя обладал уже знанием реального капиталистического общества в различных странах. Тем в более общем виде мог он судить об обществе, вырастающем из капитализма, которого в реальности не существовало и о котором можно судить лишь на основании тенденций развития общества существующего. Естественно, что Маркс практически ничего не мог сказать о реальных механизмах - социальных и экономических - развития этого будущего общества. Маркс также мог судить о них, лишь исходя из реальности современного ему капитализма, которая не могла подсказать ему ответ на этот вопрос. Поэтому Маркс никогда не стремился определять конкретные формы развития будущего общества. Эти формы зависят от реальных условий будущего, и строить, создавать их должны люди, живущие в этих условиях и в соответствии с ними.

Вопрос об адекватной оценке социально-философской концепции К. Маркса и в постсоветском контексте остается, как это ни странно на первый взгляд, во многом открытым, и основная причина тому - инерция привычек мышления: концепция Маркса по-прежнему предстает в перспективе политико-идеологических функций советского марксизма. Это влечет за собой неизбежные aberrации восприятия, будь то апологетические или

нигилистические. Более корректная аналитическая позиция предполагает понимание того, что «Карл Маркс» - это не молитва и не ругательство, а лишь имя одного из опорных философов и социальных мыслителей современности

наряду с другими.

Классическая критическая теория, как известно, нашла свое воплощение в трудах представителей Франкфуртской школы (М. Хоркхаймера, Т. Адорно, Г. Маркузе и др.). Современная критическая теория, получившая интенсивное развитие в западной философии и социологии 70-90-х годов XX века, в отличие от своей классической формы, представлена нередуцируемым многообразием весьма разнородных концепций. Разброс позиций в современной критической теории можно наглядно представить, маркировав ее границы в философии именами Ю. Хабермаса и М. Фуко, а в социологии - Э. Гидденса и Ж. Бодрийяра. В обобщенном и схематизированном виде заимствованные ими представления Маркса могут быть сведены к критической рецепции следующих четырех идейных комплексов: 1) общая теория социальной жизни на основе понятия практики; 2) реконструкция исторической диалектики; 3) критический анализ капитализма и 4) праксеология социальной эмансипации. Рассмотрим каждый из названных пунктов, обращая внимание на то, какие именно аспекты представлений Маркса подвергаются принципиальной критике, в каком направлении осуществляется их пересмотр и какой облик они получают в итоге.

По замечанию Гидденса, именно критический анализ капитализма как элемент теоретического наследия Маркса сохраняет свое значение и сегодня. Критический анализ капитализма занимает видное место в концепциях и Гидденса, и Хабермаса. По Марксу, любой товар - объективация определенного количества рабочей силы. Однако Марксово понятие «общественно необходимого рабочего времени», определяющего стоимость товаров и лежащего в основе их меновой стоимости, само уже имплицитно

образ «пустого» и квантифицированного времени, отрезки которого и делают стоимость товаров количественно измеримой. Таким образом, именно коммодификация времени является действительным основанием той универсальности, которую принимает обмен товарами при капитализме; она связывает распространение товарной формы производства благ с превращением рабочей силы в товар. Представляется достаточно очевидным, что такое переформулирование Марксовой критики капитализма прямо связано с изменениями общей социальной теории: реалистический анализ современности больше не может выполняться в терминах способа производства материальных благ, базиса и надстройки, классовой борьбы и т.п. Новый тип теоретической репрезентации социальной жизни, сложившийся в последние десятилетия, подсказывает критической теории анализ капитализма в терминах коммодификации повседневности.

Статья Нуреева завершается анализом вклада марксизма в развитие гуманитарных наук. Дословно говорится следующее: «Проявляет ли интерес к К. Марксу академическая наука развивающихся стран? Скорее да, чем нет. В условиях кризиса неоклассики на периферии капиталистического мира постулаты рационального поведения, на которых основаны современные микро- и макроэкономика, практически не работают. Здесь очевиднее плюсы и минусы развития капитализма и отражающей это развитие неоклассики. Здесь очевиднее проблемы бедности и богатства, статический характер современной западной науки. Отсюда нагляднее видны изъяны современного экономико-математического моделирования, опирающегося на теорию рационального выбора.

Маркс интересен везде, где осуществляются поиски альтернативы неоклассике. Неудивительно влияние марксизма на молодую историческую школу (В. Зомбарт) и австрийскую экономику (О. Бём-Баверк), на традиционный (Т. Веблен, К. Поланьи, Г. Мюрдаль) и новый инс-

титационализм (право и экономика), новую экономическую историю (Д. Норт, Н. Розенберг) и эволюционную экономику (Шумпетер), посткейнсианство (Дж. Робинсон, П. Сраффа) и леворадикальную экономику (П. Баран, А. Эммануэль, И. Валлерстайн).

Таким образом, исторические судьбы марксизма оказались далеко не однозначными...»

4.Рецензия на статью В.Кудрова «К современной научной оценке экономической теории Маркса – Энгельса – Ленина» (Д.В.Муромцев)

Статья представляет собой традиционный подход к критике марксизма по следующим направлениям:

1. теория прибавочной стоимости;
2. теория классов и классовой борьбы;
3. теория относительного и абсолютного ухудшения положения пролетариата.

Категорический императив марксизма, как правильно указывают авторы, - теоретическая разработка социального действия в ответ на вызов человеку и обществу со стороны каждого данного «здесь и сейчас» их бытия. Будучи выражением первичности общих человеческих интересов и ценностей, он предполагает «снятие» всей культуры, то есть задает установку на максимально возможное согласование усилий субъектов социального действия. Такое понимание марксизма, следовательно, не только не отбрасывает немарксистские школы общественной мысли, но, напротив, направляет на ведение продуктивного диалога с ними, когда дело не во взаимном «перекрашивании», а в совместном заинтересованном поиске решения актуальных проблем человеческой жизни. Заметим, что понятием «диктатура пролетариата» Маркс отдавал дань классической образованности с ее терминологическим подражанием античности и соответствующим

профетизмом. И рассуждал, по существу, об осуществлении именно общих человеческих интересов, что вело к поискам такого общественного устройства, которое бы в силу своей собственной природы благоприятствовало преодолению человеком любой социальной, главным образом - классовой, ограниченности. Другое дело, что в определенных исторических условиях масса людей может дать возвысившемуся над ней меньшинству убедить себя, что диктатура пролетариата - это прежде всего духовный и физический террор как оптимальное средство гармонизации общественных отношений.

Объективность марксистского императива - во вполне определенной, социалистической направленности (векторе) общественно-исторического развития. Неспособность четкого выявления ее сути в каждую данную эпоху человеческой деятельности равнозначна отходу от марксизма или даже полному разрыву с ним. И тогда марксистская терминология если и продолжает применяться, то уже для обоснования немарксистских пониманий истории.

Преодоление культовско-бюрократической идеологии не может не сказываться на восприятии марксизма, сложившемся в соответствии с ее канонами. У нас, как известно, широко распространилось вольное или невольное отождествление марксизма с его сталинистскими интерпретациями, когда под марксизмом-ленинизмом фактически подразумевается определенная разновидность религиозно-культового отношения к человеку. Отметим, в частности, не преодоленное действие символики такого отношения к Ленину, которая, как бы замещая его действительную роль в истории, освящала учреждение культа всех последующих вождей.

Мифологизация общественного сознания под видом марксизма-ленинизма (когда для захваченных ею людей становится естественным отождествлять марксизм со сталинизмом и его историческими модификациями) наглядно проявилась не только в нашей стране. При

обозначившейся, например, после второй мировой войны в странах Восточной Европы абсолютизации советского опыта, помешавшей увидеть там оптимальные пути развития, оказался «незамеченным» ряд логических ошибок. Так принятие одной страны за модель движения к социализму для других фактически опиралось на вывод о правомерности подчинения целого части.

Отношение человека к познаваемой и самостоятельно конструируемой жизни становится действительно заинтересованным, вырабатывает у него как норму личную ответственность за все происходящее с ней. Требование всесторонности тем самым несет в себе нравственное начало. Ориентируя на преодоление несовершенства каждого данного момента деятельности, оно предстает как принцип собирательности, согласования и объединения познавательных и практических усилий как можно большего числа людей (в пределе - всех членов общества), когда для людей с разными точками зрения, характерами, жизненными устремлениями обычным становится взгляд на себя со стороны и через это отстраненное отношение строится и «саморазвивается» преодоление их разногласий, расхождений, конфликтов.

Обеспечение собирательности и общительности (диалогичности) должно, очевидно, оказываться делом сложным, нуждающимся в развитом, разностороннем, структурно оформленном коллективном субъекте. Мерой эффективности его действий, его зрелости оказывается, соответственно, его способность формировать цели, представляющие всю человеческую практику (как критерий истины и как практический показатель связи его потребностей с общечеловеческими), а следовательно, предполагающие все большее ее преобразование в осознанное, регулируемое и управляемое развитие, в деятельность, действительно ведущую к задуманным результатам. Самым же конкретным результатом общественной практики, в возрастающей степени подконтрольной своим участникам, являются, очевидно, они сами, порождающие, развивающие, совершенствующие себя в ее процессе.

Уже краткий разбор принципов, сформулированных Лениным в связи с дискуссиями о диалектической логике, показывает, что речь у него идет о выработке альтернативы отношению к обществу с позиций гражданской войны, то есть отношению, которое в развитом виде и представляет собой сталинизм со всеми его историческими модификациями. Произошедший в советское время отказ от рынка по схеме «либо плановое, либо товарное производство», в действительности приводит к обратным результатам. Ведь противоположностью товарного производства является отнюдь не план (планирование в разных видах, как известно, распространяется все шире при капитализме, отражая уровень производственного обобществления этого общества), а натуральное хозяйство.

И замена им товарно-денежных отношений фактически означает, во-первых, торможение развития производительных сил (что на языке сталинизма получает название «торжество социалистических производственных отношений»), во-вторых, санкционирование беззакония на тем не менее существующем рынке, когда появляются «вторая» и «третья» экономики, благоденствуют протекционизм и коррупция. Как противоположностью товарно-денежным отношениям в действительности является натуральное, основанное на личной зависимости хозяйство, так противоположностью плановому хозяйству, строящемуся из расчета оптимального социально-экономического движения общества, является анархия производства.

В то же время в центре марксистской философии находится не историческая роль того или иного класса самого по себе, а проблема человека.

Марксов анализ классического капитализма, во-первых, не мог выйти за пределы своего предмета. Поэтому практические выводы, сделанные Марксом из него, в лучшем случае могли быть применимы к европейской истории второй половины XIX века, да и то не в полной мере. Последнее обстоятельство понимал, кажется, и сам Маркс. Но уже начало XX века

красноречиво свидетельствовало о существенных изменениях в данном способе производства, что и уловили идеологи II Интернационала. Во-вторых, целый ряд идей (причем важнейших в корпусе главных выводов о неизбежности коммунистической революции) определялся не столько доскональным и глубоким анализом классического капитализма, сколько способами рационализации исторических феноменов и процессов, характерных для европейской культуры начала и середины все того же XIX века.

Не случайно же идея класса-мессии предшествовала работе Маркса над проблемами «анатомии гражданского общества» проблемами политической экономии капитализма. «Критика гегелевской философии права. Введение», целиком еще погруженная в пучину гегелевских категорий, энтелехиально воспроизводящих неумолимую логику истории, - логику, утверждавшую его философию в роли духовного вождя, поднявшего блуждающий в мире Дух до полного торжества Абсолюта, - эта рукопись создана Марксом задолго до другого «Введения», до введения в «Критику политической экономии». А ведь именно в этой первой, ранней рукописи философия находит в пролетариате свое практическое оружие, как и пролетариат в философии - свое духовное оружие. Мессианская роль рабочего (пролетариата) утверждается и в других ранних рукописях - в рукописях 1844 года. . .

Вот так кардинальная для Марксовой теории социализма (коммунизма) идея неизбежности диктатуры пролетариата, столь самозабвенно и настойчиво проводимая в жизнь Лениным, оказывается умозрительно-спекулятивной, в игре с гегелевскими категориями возникшей, короче - «ахиллесовой пятой» теоретического марксизма. И неумолимые законы истории, не прицеливаясь, точно поразили это ее место, не защищенное объективным анализом действительности. Обратимся хотя бы к «Критике Готской программы». Логика и содержание тщательного анализа современной Марксу действительности капиталистического производства, проведенного с исторических позиций и с помощью новых «инструментов»

теоретического преобразования господствовавших в теории идеологических представлений (и Гегель в изобретении этих «инструментов» - категорий самой истории был ему не помеха, а диалогический соавтор), привели, как известно, Маркса к открытию объективной тенденции расширенного воспроизводства промышленности (машин, системы машин и т. д.) - глобального обобществления труда. А затем, как следствие, собственности. Так называемое постиндустриальное общество во второй половине XX века эту эволюцию покорно осуществило или, что точнее, успешно осуществляет. Вплоть до кооперирования собственности в самых различных стихийно складывающихся формах. Только развитие (объективный ход его) средств производства, производительных сил, рынка, управления и т. п., только объективация обобществления труда в разных формах его реально необходимой и выгодной кооперации может снять общественное его разделение, в самых грубых формах отчуждающее от человека не только результаты труда, но и сам труд как его деятельность, как самодеятельность.

Но нельзя не отметить и обратную сторону индустриального общества. Если подходить к нему с тех же марксистских позиций. То можно сказать, что противостояние классов и ухудшение положения рабочих не исчезло, а приняло более хитрые формы, вплоть до того, что работники сами помогают работодателю в собственной эксплуатации, даже не отдавая себе отчёта. Происходит формирование системы отчуждения личности.

В частности, в сфере образования и воспитания специфически проявляются общие законы формирования и функционирования капиталистических общественных отношений: антагонизм, неравенство, разобщенность, ориентированность на коммерческий интерес, стремление превратить другого человека в средство собственного эгоистического интереса, ограниченность классово обусловленных перспектив индивидуального развития и т.д. Негативное воздействие общественных отношений проникает и туда, где должны были бы царствовать гармония интересов, равенство, коллективизм, сплоченность, всесторонность

личностного развития. Это свидетельствует о всеобщем характере отчуждения при капитализме, его всепроникающем воздействии на все стороны человеческих отношений, включая самые верхние – надстроечные – этажи общественного здания.

Система образования и воспитания в буржуазном обществе воспроизводит именно те социальные типы личности, которые заранее запрограммированы капиталистическими общественными отношениями. Функционируя таким образом, она соучаствует не только в отчуждении личности, но и в воспроизводстве необходимых условий капиталистического общественного производства. Иначе говоря, образование и воспитание, с одной стороны, отражают и выражают весь диапазон отчуждения при капитализме (отчуждение труда, быта, сознания, образа жизни и т.д.), а с другой – активно воздействуют на него, закрепляя его через личность и посредством личности как совокупности существующих общественных отношений.

Непосредственно в задачу обучения и воспитания входит воспроизводство идейно-психологических, культурно-идеологических и ценностно-ориентационных предпосылок капиталистического общественного производства. А значит, воспроизводство прежде всего типа личности господствующего класса. При этом «элитарный» облик индивида господствующего класса подается в качестве нормативного культурного «образца», модели личности более «высокого» ранга. Ее персонификация именно представителями правящего класса преподносится как результат спонтанного развертывания врожденных дарований и способностей.

В данном контексте категория отчуждения позволяет раскрыть взаимосвязь капиталистического отчуждения труда во всех его проявлениях (отчуждение от средств производства, целеполагающей и творческой функции труда, контроля над процессом труда, от природы, от другого человека) с отчуждением человека в сфере быта и досуга (отчуждение от средств существования, от контроля над мерой потребления, от свободного

времени и пр.), с отчуждением и самоотчуждением в процессе обучения и воспитания (отчуждение от всестороннего и гармонического развития, от своих способностей, от достижений культуры человечества и т.п.).